

«Терпение, — подумал он, — и этот нежный цветок будет моим».

И стал Гавейн всячески за Элейн ухаживать и сопровождать её во время прогулок по саду. И старался быть остроумным, и пел, и заливал юную деву любовной лестью да золотом своего красноречия. Но Элейн как будто всего этого не слышала. А однажды, когда Гавейн уж очень усердствовал, она даже с возмущением оборвала его:

— Сам король послал вас на поиски. Так что же вы не взглянете на щит? По нему вы сразу узнаете, кто его владелец!

— Коль велите, погляжу, — неохотно согласился Гавейн. И внесли в зал щит. Гавейн увидел герб на нём — лазурных львов с золотыми коронами на головах — и хлопнул себя по бедру:

— Да это же щит самого благородного рыцаря Круглого стола, сэра Ланселота!

— Самого благородного... — с нежностью прошептала Элейн. — Что ж, как только я его увидела, то сразу это поняла!

— Так вот в чём дело! Вы любите сэра Ланселота! — с недоброй усмешкой сказал Гавейн. — Что ж, коли так, непременно его отыщете. Да и награду он с большей радостью примет из ваших рук. Прощайте же!

С этими словами он передал деве бриллиант, вскочил на коня, послал ей воздушный поцелуй и помчался из замка прочь.

Когда же Гавейн достиг королевского дворца, то всему двору рассказал о прекрасной деве из Астолата, которая любит сэра Ланселота.

— Сэр Ланселот носит её пурпурный рукав на шлеме, — сказал он. — А дева хранит у себя в опочивальне его щит.

Но король Артур, узнав, что Гавейн не нашёл рыцаря и не передал ему бриллиант, страшно разгневался.

— Так-то вы исполнили мою волю! — сказал он хмуро. — Видно, вы забыли, что истинная учтивость по отношению к королям — покорность!

Гавейн был зол, однако выслушал короля молча, ибо, честно говоря, и сам понимал, что слишком подзадержался в Астолате.

А Элейн, получив от Гавейна драгоценный камень, пошла к отцу, уселась к нему на колени и сказала:

— Молю тебя, разреши мне уехать. Я должна найти Лавейна и раненого рыцаря. Им нужна моя помощь. Я это чувствую. К тому же мне

необходимо выполнить поручение Гавейна, иначе и сама я буду столь же необязательна, как он.

Старый барон подумал-подумал и разрешил.

Элейн в сопровождении своего брата Торра отправилась в путь и рядом с тополиной рощей вблизи Камелота вдруг увидела Лавейна.

Лавейн был в хорошем настроении и на радость толпе заставлял выделывать всяческие курбеты своего коня.

— Братик, — воскликнула дева, — Лавейн! Ответь мне, как поживает сэр Ланселот?

Лавейн был несказанно удивлён:

— Откуда, Элейн, ты знаешь имя рыцаря?

Тут дева поведала брату о сэре Гавейне и его неудачных поисках, а ещё показала бриллиант и сказала, что должна его передать сэру Ланселоту. Лавейн кивнул в ответ и поскакал вместе с сестрой в тополиную рощу. А Торр, посчитав, что теперь он свободен, в мрачном настроении поскакал обратно в Астолат. Ибо то, что Элейн полюбила Ланселота, было ему совсем не по нраву.

Когда Элейн вошла в келью, где лежал Ланселот, она первым делом заметила висящий на стене шлем. К нему по-прежнему был привязан её пурпурный рукав, что очень деву обрадовало. «Значит, Ланселот меня не забыл», — подумала она и подошла к постели, где спал рыцарь. Его руки, могучие, но израненные, подёргивались, словно и во сне он сражался с врагами.

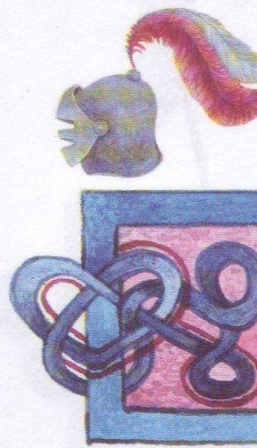
Увидев, как её любимый оброс, как исхудал, Элейн даже вскрикнула от горя, и Ланселот проснулся.

— Кто здесь? — спросил он еле слышно. — Это ты, Лавейн?

— Нет, это я, его сестра, — сказала Элейн и, склонясь к Ланселоту, подала бриллиант: — Вот ваша награда. Её вам прислал сам король!

Глаза Ланселота сверкнули. И, когда Элейн на краткий миг приблизила к нему лицо, рыцарь в знак благодарности её поцеловал. И это сделало её счастливой.

А потом день за днём, ночь за ночью юная дева терпеливо выхаживала Ланселота как малого ребёнка, и поила его целебными настоями, и растирала живительными мазями. И так продолжалось до тех пор, пока

однажды прекрасным летним утром Ланселот не почувствовал себя вполне сносно и не встал. Тогда-то и сказал ему отшельник, что Элейн своей преданностью и заботой его спасла.

С этого момента Ланселот стал необычайно ласков с Элейн и называл её своей сестрой и верным другом. Он мог бы даже сказать, что любит её, но, к сожалению, то была скорее любовь брата к сестре, нежели мужчины к женщине.

Когда рыцарь совсем поправился, он в сопровождении Элейн и её брата вернулся в Астолат за своим щитом, ибо понимал, что пора уже ему предстать пред очи короля Артура.

И видя, что приходит пора расстаться, он спросил у Элейн, какой бы она хотела получить от него подарок.

— Я готов служить вам как рыцарь и исполнить любой ваш каприз, — сказал он. — Вы только скажите, чего бы вам хотелось. Я всё сделаю.

— Я люблю вас, — ответила Элейн. — Так сделайте меня вашей женой и возьмите вместе с собой ко двору короля Артура!

Лицо Ланселота помрачнело, и он сказал суровым голосом:

— Нет, это единственное, чего я вам дать не могу. Если я не женился до сих пор, то уже не женюсь вовек.

— Тогда мои дни сочтены, — прошептала, будто выдохнула, Элейн.

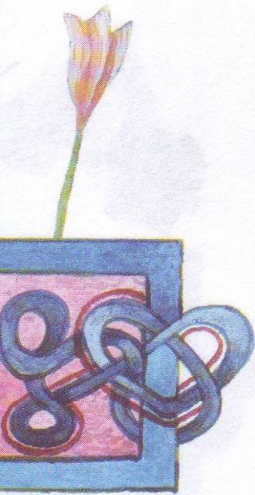
— Поверьте, Элейн, — сказал Ланселот, глядя на деву с нежностью и одновременно с состраданием. — Вам только кажется, что вы меня любите. У меня тоже так было когда-то. Поэтому знаю, что очень скоро вы кого-нибудь полюбите по-настоящему и о нашей встрече будете вспоминать с улыбкой. А я, коль ваш избранник будет небогат, с радостью подарю вам половину моих земель и богатств. Но большего не ждите.

— Мне это ни к чему, — смертельно побледнев, сказала дева и лишилась чувств. И слуги отнесли её к ней в башню.

Их разговор случайно услышал отец Элейн, и он сказал Ланселоту:

— Боюсь, что вы нанесёте моей лилее смертельную рану. Уж слишком вы учтивы. Прошу вас, коль хотите загасить её страсть, поменьше учтивости.

Но Ланселот был истинным рыцарем, а значит, неучтивость к женщине была противна его сути. Поэтому, покидая на следующее утро Астолат,

он позволил себе всего лишь одно — больше не увидеться с Элейн. Да-да, зная, что дева стоит у окна и смотрит на него, он не поднял глаз, не крикнул ей, не махнул на прощание рукой, а молча поскакал прочь от замка.

А Элейн заперлась в своей башне и заплакала. Мысли о Ланселоте её не отпускали, и в ушах всё звучал любимый голос. Так проходил час за часом, и дева вдруг поняла, что Ланселот покинул её навсегда.

Под вечер пришёл к ней отец и сказал:

— Не убивайся, дочка!

Потом к ней поднялись братья и тоже попросили её не грустить.

Элейн, не желая их огорчать, обещала, но сделать с собой ничего не могла. Лицею словно подменили. Печаль её всё усиливалась, всё росла. Дева перестала есть и пить. И через какое-то время старый барон, увидев дочь, сказал сыновьям:

— Наша Элейн умирает.

Торр, с самого начала невлюбивший Ланселота, начал браниться и поносить величайшего рыцаря последними словами. Но отец, прервав сына, объяснил ему, что Ланселот не виноват. Затем он подошёл к Элейн, поцеловал её в лоб и спросил:

— Что я, дочка, могу для тебя сделать?

— Только одно, — сказала она. — Сейчас я напишу письмо. Так ты, когда я умру, вложи его мне в руку. А потом обряди меня в моё самое красивое платье и на чёрной траурной барке отправь в сопровождении нашего старого немом слуги к королевскому дворцу.

Отец обещал ей исполнить всё, что она попросила. Тогда дева вдруг так развеселилась, что отец с братьями решили:

— Нет, она не умирает. Нам это только показалось.

Но минуло десять долгих дней, и на одиннадцатый день, с утра, отец вложил ей в руку письмо.

Такумерла прекрасная Элейн. И день этот был в Астолате днём скорби.

А на следующее утро, когда первые лучи солнца осветили землю, Лавейн и Торр перенесли тело сестры на затянутую чёрным шёлком барку, где уже находился, ожидая их, старый немой слуга. Братья положили рядом с Элейн лилию, установили над ней роскошный балдахин, расшитый чёрными цветами, и, поцеловав сестру на прощание, в слезах ушли.

однажды прекрасным летним утром Ланселот не почувствовал себя вполне сносно и не встал. Тогда-то и сказал ему отшельник, что Элейн своей преданностью и заботой его спасла.

С этого момента Ланселот стал необычайно ласков с Элейн и называл её своей сестрой и верным другом. Он мог бы даже сказать, что любит её, но, к сожалению, то была скорее любовь брата к сестре, нежели мужчины к женщине.

Когда рыцарь совсем поправился, он в сопровождении Элейн и её брата вернулся в Астолат за своим щитом, ибо понимал, что пора уже ему предстать пред очи короля Артура.

И видя, что приходит пора расстаться, он спросил у Элейн, какой бы она хотела получить от него подарок.

— Я готов служить вам как рыцарь и исполнить любой ваш каприз, — сказал он. — Вы только скажите, чего бы вам хотелось. Я всё сделаю.

— Я люблю вас, — ответила Элейн. — Так сделайте меня вашей женой и возьмите вместе с собой ко двору короля Артура!

Лицо Ланселота помрачнело, и он сказал суровым голосом:

— Нет, это единственное, чего я вам дать не могу. Если я не женился до сих пор, то уже не женюсь вовек.

— Тогда мои дни сочтены, — прошептала, будто выдохнула, Элейн.

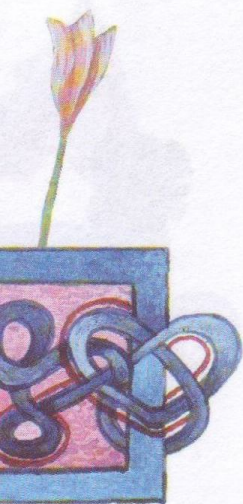
— Поверьте, Элейн, — сказал Ланселот, глядя на деву с нежностью и одновременно с состраданием. — Вам только кажется, что вы меня любите. У меня тоже так было когда-то. Поэтому знаю, что очень скоро вы кого-нибудь полюбите по-настоящему и о нашей встрече будете вспоминать с улыбкой. А я, коль ваш избранник будет небогат, с радостью подарю вам половину моих земель и богатств. Но большего не ждите.

— Мне это ни к чему, — смертельно побледнев, сказала дева и лишилась чувств. И слуги отнесли её к ней в башню.

Их разговор случайно услышал отец Элейн, и он сказал Ланселоту:

— Боюсь, что вы нанесёте моей лилее смертельную рану. Уж слишком вы учтивы. Прошу вас, коль хотите загасить её страсть, поменьше учтивости.

Но Ланселот был истинным рыцарем, а значит, неучтивость к женщине была противна его сути. Поэтому, покидая на следующее утро Астолат,

он позволил себе всего лишь одно — больше не увидеться с Элейн. Да-да, зная, что дева стоит у окна и смотрит на него, он не поднял глаз, не крикнул ей, не махнул на прощание рукой, а молча поскакал прочь от замка.

А Элейн заперлась в своей башне и заплакала. Мысли о Ланселоте её не отпускали, и в ушах всё звучал любимый голос. Так проходил час за часом, и дева вдруг поняла, что Ланселот покинул её навсегда.

Под вечер пришёл к ней отец и сказал:

— Не убивайся, дочка!

Потом к ней поднялись братья и тоже попросили её не грустить.

Элейн, не желая их огорчать, обещала, но сделать с собой ничего не могла. Лилею словно подменили. Печаль её всё усиливалась, всё росла. Дева перестала есть и пить. И через какое-то время старый барон, увидев дочь, сказал сыновьям:

— Наша Элейн умирает.

Торр, с самого начала невзлюбивший Ланселота, начал браниться и поносить величайшего рыцаря последними словами. Но отец, прервав сына, объяснил ему, что Ланселот не виноват. Затем он подошёл к Элейн, поцеловал её в лоб и спросил:

— Что я, дочка, могу для тебя сделать?

— Только одно, — сказала она. — Сейчас я напишу письмо. Так ты, когда я умру, положи его мне в руку. А потом обряди меня в моё самое красивое платье и на чёрной траурной барке отправь в сопровождении нашего старого немом слуги к королевскому дворцу.

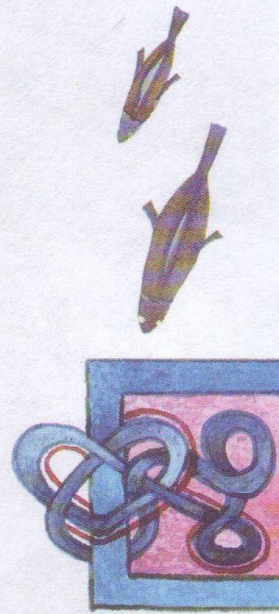
Отец обещал ей исполнить всё, что она попросила. Тогда дева вдруг так развеселилась, что отец с братьями решили:

— Нет, она не умирает. Нам это только показалось.

Но минуло десять долгих дней, и на одиннадцатый день, с утра, отец вложил ей в руку письмо.

Так умерла прекрасная Элейн. И день этот был в Астолате днём скорби.

А на следующее утро, когда первые лучи солнца осветили землю, Лавейн и Торр перенесли тело сестры на затянутую чёрным шёлком барку, где уже находился, ожидая их, старый немой слуга. Братья положили рядом с Элейн лилию, установили над ней роскошный балдахин, расшитый чёрными цветами, и, поцеловав сестру на прощание, в слезах ушли.

И поплыла барка вверх по реке, и вскоре, достигнув королевского дворца, причалила к широкой лестнице, что спускалась прямо в воду.

Элейн лежала на барке как живая, и немой слуга был с ней рядом.

Чтобы поглядеть на удивительное зрелище, из дворца вышли король, королева, Ланселот, Гавейн и многие другие рыцари и дамы. Король Артур взял из руки Элейн письмо и прочитал его. Вот что письмо гласило:

«Дорогой мой и несравненный сэра Ланселот Озёрный, который, не простясь, меня покинул! Я, звавшаяся лилеей из Астолата, приплыла сюда, чтобы навек проститься с вами. Я вас любила, но, к несчастью, безответно, и моя любовь обернулась смертью. Поэтому я обращаюсь к вам и ко всем прочим рыцарям и дамам. Молитесь о моей душе и с молитвою меня похороните».

Пока король Артур читал, все вокруг плакали: и королева, и дамы, и рыцари, и даже сам Ланселот Озёрный. А после Ланселот вместе со всем королевским двором похоронил Элейн и поставил над её могилой чудесный памятник, изображающий юную деву, к ногам которой прислонён щит Ланселота.

И, когда та, которую Ланселот любил больше жизни, ревновала его или бывала к нему несправедлива, Ланселот приходил к памятнику, сидел возле него и, с нежностью вспоминая юную деву из Астолата, говорил, что никак не мог ответить на её чистую и, несомненно, истинную любовь.

